ВЕЧЕРНЯЯ ПЕРМЬ
г. ПЕРМЬ
29 ЯНВ 1957

ПЕРМСКИЕ ПЕВЦЫ ЗА РУБЕЖОМ

Из театральных воспоминаний

Одна из знаменательных страниц истории Пермского музыкального театра — творческое содружество пермяков с чешскими мастерами оперы, которые в пятидесятых годах участвовали в нескольких спектаклях на пермской сцене. А вскоре с ответным визитом в Чехословакию отправились пермские певцы Л. Ткачева и народный артист РСФСР Н. Бойкиня.

Отрывки из воспоминаний Н. М. Бойкиня об этой поездке, предоставленные им в распоряжение редакции, «Вечерняя Пермь» публикует сегодня.

МИНИСТЕРСТВО культуры Чехословацкой Республики пригласило Л. Ткачеву и меня гостями месячника дружбы чехословацкого и советского народов. Нам было доверено участие в спектаклях чехословацких оперных театров. 26 ноября 1956 года друзья-пермяки тепло проводили нас на вокзал, пожелав нам ни пуха ни пера. Из Москвы в Прагу самолетом «ТУ-104» мы вылетели 1 декабря и через два часа приземлились на Пражском аэродроме. Здесь нас встретили представители советского посольства, министерства культуры ЧССР и, конечно, наши старые друзья — Славка Прохазкова, Ян Константин и Бугомир Вих...

В Праге три оперных театра: два больших — Национальный и имени Б. Сметаны, и третий — имени Моцарта — малый.

Третьего декабря меня пригласили в Пражский Национальный театр в 9 часов утра для встречи с дирижером спектакля «Князь Игорь». Чехи зовут свой Национальный театр еще «народный дивадло», т. е. Народный театр, потому что здание театра строил весь чешский народ. В одной из стен театра замурована земля тех сел, волостей и городов, которые внесли свои сбережения на постройку этого поистине грандиозного здания, в полном смысле слова — храма искусства.

Дирижер спектакля Ярослав Фогель — превосходный пианист — ровно в девять сел за инструмент, проаккомпанировал мне всю партию Игоря — я спел от начала до конца без остановки. После этого пошли на сцену на оркестровую репетицию, куда вызвали 110 человек оркестра, столько же человек хора, весь состав солистов и 60 артистов миманса. Я даже заволновался — не затеряюсь ли в этой массе? Прозвучит ли мой голос? Но репетиция прошла гладко, тем более, что мизансцены спектакля не особенно отличались от привычных.

Четвертого декабря я пел свой первый спектакль «Князь Игорь».

Зрители приняли пролог тепло, и это окрылило, ободрило... Но вот сцена в половецком стане. Я стал в кулису заранее, готовясь к выходу. Спела арию Кончаковны Степанова, прекрасная певица — зал не реагирует; спел арию Игоревич — чудесный тенор Блахут — зал молчит; замечательно прозвучал их дуэт — ни одного хлопка. Я начал было волноваться, но тут услыхал аккорды, предшествующие моему выходу, взял себя в руки и вышел на сцену.

Совершенно успокоился уже после первых слов арии «Ни сна, ни отдыха измученной душе». Благополучно, с настроением допел арию до конца, и вдруг зал разразился овацией. На меня это так подействовало, что перехватило горло: хорошо, что, пока аплодисменты не умолкли, я успел справиться с волнением. Финал спектакля — встреча с Ярославной — прошел с подъемом. Министерство культуры ЧССР и дирекция Национального театра, чествуя в моем лице советского гостя, преподнесли букеты цветов, перевитые национальными лентами.

Шестое декабря. Вместе с Л. Ткачевой были в театре имени Сметаны на спевке оперы Дворжака «Черт и Кача», а вечером отправились слушать вагнеровский «Тангейзер». Эту оперу я слушал впервые в своей жизни. Впечатление было потрясающее. Одно из труднейших произведений мировой оперной классики было поставлено мастерски. Незабываемые, чарующие голоса у Подваловой, у Гавлока. Чудесный оркестр и хор.

В антракте имел возможность наблюдать за публикой. Я сделал вывод, что у чехов театр не развлечение, а духовная потребность. В театр идут просто одетыми, приносят с собой свертки с едой, в антракте съедают бутерброды, а крошки завертывают в бумагу и прячут в карман — в зале не увидишь ни соринки. В антракте разговаривают громко, делятся своими впечатлениями, но стоит появиться красному сигналу на суфлерской будке (это означает, что идет дирижер), как в зале моментально наступает абсолютная тишина.

...В театре Сметаны пели с Л. Ткачевой «Черта и Качу». Этот спектакль меня волновал больше всего: все-таки Дворжак, пели на его родине! Волнения оказались напрасными. С первого же выхода на сцену мы почувствовали контакт со зрительным залом. Уже после первого акта нам был устроен весьма теплый прием. После второго акта аплодисменты стали еще более дружными, а по окончании оперы публика долго вызывала нас, приветствуя стоя.

Пятнадцатое декабря. После обеда с Л. Ткачевой в сопровождении переводчика отправились из Праги в Либерец. Там в отеле «Империал» нас ожидало руководство местного оперного театра. Все вместе поужинали и пошли слушать «Аиду». По масштабу театр значительно меньше пражских. Ведущие солисты обладали небольшими, но приятно звучащими голосами, старались следовать принципам немецкой вокальной школы. В оркестре и хоре по 45 человек, но опера прозвучала чисто, мягко, убедительно.

На следующий день знакомились с окрестностями Либерца. Поехали на Шплиндерив млийн (Шплиндлерову мельницу). Жители называют этот поистине прелестный уголок Чехословацкой Швейцарией.

Днем во время сценической репетиции познакомились со всем составом спектакля «Черт и Кача». Вечер принес нам много отрадных минут. Дирекция театра увенчала Ткачеву и меня лавровыми венками.

Девятнадцатое декабря. Я пел свой последний спектакль в Чехословакии — Эскамильо в «Кармен»...

Двадцатое декабря. После завтрака выехал в Прагу. По пути — бывший концентрационный лагерь в Терезине, в 60 километрах от Праги. Чехи организовали там музей, чтобы люди не забывали страшных уроков истории.

На прощальном обеде присутствовали консул Советского Союза, друзья из Национального театра и представители министерства культуры ЧССР. Нам вручили памятные сувениры и подарки нашему театру.

Вечером выехали поездом на Родину. Моя память навсегда сохранила теплые, дружеские встречи в Чехословакии. Я часто с благодарностью вспоминаю их и верю, что наши народы на веки останутся друзьями.

Н. БОЙКИНЯ,
народный артист РСФСР

Пятигорск — Пермь.